

УДК 316.33

Баханова Е.В.

К.с.н., доцент, Современная гуманитарная академия

ПОЗИТИВИЗМ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Данная статья посвящена выявлению основных концептуальных представлений о развитии практик и учреждений наказания. Проводится сравнительный анализ положений различных национальных школ. Выявляются доминирующие идеи, нашедшие свое продолжение в современных концепциях обоснования правил и границ применения наказания.

Ключевые слова: система исполнения наказаний, право государства наказывать, общество, позитивизм.

Государственная система исполнения наказаний — искусственно созданный социальный институт, регулирующий общественные отношения в сфере применения формальных санкций к правонарушителям. Возникновение данной структуры обусловлено потребностью общества в сохранении социального порядка, обеспечении выполнения социальных норм.

Изменение сущности и принципов деятельности государственной системы исполнения наказаний происходило вместе с изменениями нравов, политического и экономического устройства государства в ту или иную эпоху от принципов кровной мести до создания мест принудительного содержания для исправления лиц, нарушивших закон. В конце XVIII века восприятие мира было основано на рационализме и свободомыслии эпохи Просвещения, что, конечно же, отразилось на реформировании сфер общественной жизни и государственного управления. Позитивизм как парадигма социологии XIX в. предложил методологию объективного оценивания ситуации и поиска решений на основе научного анализа методами естественных наук.

Описание концепций системы исполнения наказаний как социального феномена данного периода существенно затруднено вниманием к отдельным элементам наказания и преступления, многочисленностью подходов к их классификации. Столь новые предметы исследования как социальные факторы преступности, право государства наказывать, обоснованность меры наказания, личность преступника, методы воздействия на нее рассматриваются как в рамках национальных школ, так и доминирующих концептуальных подходов криминологии, психологии, социологии права или социального контроля.

Кроме того, большинство авторов при анализе статистических данных и результатов исследований использовали положения смежных концепции, связывая социологические факторы о роли общества в исправлении преступников с биологическими, психологическими теориями преступности. Соответственно, почти каждый социальный мыслитель на основании своих представлений может быть соотнесен с разными направлениями. Так, анализ отечественных и зарубежных учебников, монографий по данной тематике [1,3,5,6,7,11,15,16] позволил сделать вывод, что можно выделить следующие основные направления социологического осмысления элементов системы исполнения наказаний: антропо-социальное (А. Кетле, Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало, Ж.Г. Тард, З. Фрейд), биологическое (Г. Спенсер), девиантное (А. Кетле, Э. Дюркгейм, Р. Мертон), формальное (М. Вебер, В. Зомбарт, Л. фон Визе, А. Фиркандт, П. Беккер) функциональное (Э. Дюркгейм), теория аномии Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Р. Клоуард, Л. Оулин), структурное (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк, Г. Беккер, Э. Сатерленд, Д. Кресси, Г. Сайке, Д. Матза); конфликта (Г. Зиммель, Л. Гумплович, К. Маркс, А. Тэрка, Р. Куинни, А. Лиасос), дарвинизм (Л. Гумплович, Т. Мальтус, Г. Спенсер, У. Самнер, А. Смолл, Г. Ратценхофер); социального контроля (Ж.Г. Тард). Можно заметить, что Э. Дюркгейма относят к трем направлениям,

Ж.Г. Тарда рассматривают и как представителя психологического направления, и как создателя теории социального контроля.

Что не менее важно, большинство концепций основаны на переосмыслении предыдущих идей. Так, теории гуманизма в государственном управлении восходят к философским представлениям Сократа о преступности; категорического императива И. Канта; антропологическим идеям Г.В.Ф. Гегеля; теории социального контроля основаны во многом на идеях Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо; теория насилия развивает идею талиона и представления софистов о государственном устройстве. Представляется, что рассмотрение представлений о системе исполнения наказаний периода позитивизма целесообразно рассматривать, опираясь на анализ доминирующих представлений национальных школ, основанных как раз на традициях философских представлений.

Рождение социологического позитивизма в анализе деятельности учреждений исполнения наказаний можно связать с публикацией работы «Исследования о распространении преступности среди лиц различных возрастов» (1831 г.) франко-бельгийского исследователя А. Кетле (1796-1874). На основании анализа статистических данных и выявленной закономерности постоянства видов преступлений и соответствующих им наказаний, Кетле пришел к выводу, что в каждом человеке и обществе существует определенная склонность к преступлениям, вызываемая определенными социальными условиями. По его мнению, «общество подготавливает преступление, а преступник есть только орудие» [5].

Утверждение Кетле о том, что общественные явления могут и должны быть изучаемы только на основании правильно устроенного систематического наблюдения, поддержали во французской социологической школе. Такие ее представители как Ж.Г. Тард, Г. Лебон, Э. Дюркгейм анализировали вопросы социального контроля, подражания, аномии и влияния толпы на личность. Исследователи исходили из основной методологической установки О. Конта о стремлении общества к интеграции, равновесию и порядку.

Пожалуй, первая развернутая социологическая теория привлечения к ответственности и исполнения наказаний принадлежит Ж.Г. Тарду (1843–1904). В работах «Сравнительная преступность» (1886) и «Философия наказания» (1890) Тард на основании анализа статистических данных о преступности во Франции за полувековой период выдвинул в центр исследования вопросы определения таких социальных феноменов как преступление, наказание, антропо-социальные черты преступного типа, пр.

Тарда заинтересовало, что повышение благосостояния, уровня жизни, образования не влечет за собой сокращения преступности. «Три великих предупредительных лекарства от социальной болезни: труд, общее довольство и образование — усиленно действовали не раз, а поток преступности, вместо того, чтобы пересохнуть, вдруг вышел из берегов» [17]. Г. Тард увидел также широчайшую распространенность преступлений «людей богатых и признаваемых честными» (позднее такие преступления будут названы «беловоротничковыми»).

Для объяснения данного феномена, Тард сделал три важных предположения. Во-первых, объяснение преступного поведения Тард основывал на законе подражания (добровольного или обязательного, сознательного или бессознательного, разумного или бессмысленного, симпатизирующего или ненавидящего, удивляющегося или завидующего). Именно на основании него из общества исключаются одни виды преступлений, появившиеся при определенных условиях и появляются другие. Своим тезисом — «система добродетелей, так же, как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории», Тард показал относительность понятия преступление в его восприятии обществом.

Во-вторых, Тард обращал внимание на предупреждающую функцию существования системы исполнения наказаний как угрозу наказания. Изоляцию преступников Тард относил к одному из основных механизмов предупреждения преступления.

В-третьих, он ввел в научный оборот такое важное для современных исследований понятие как социальный контроль. Под социальным контролем понимался способ социальной реабилитации преступника и рассматривал его как средство возвращения преступника к общественно полезной деятельности.

Развивая эту идею Тарда, американский социолог Г. Росс (1866–1951) считал социальный контроль и принуждение — ключевыми компонентами социального порядка и интеграции. Г. Парк (1864–1944) среди инструментов социального контроля выделил социальные институты, общественное мнение и санкции [18].

Кроме того, при анализе трудов Тарда не следует забывать, что автор отрицательно относился к мнению толпы, ее проявлениям и возможности участия в политической жизни. Он считал, что «преступность — это тень, отбрасываемая обществом». Поддерживая Тарда, Г. Лебон (1841–1931) отметил что, попадая в группу, человек полностью теряет контроль над собой и наказание является средством контроля со стороны группы или общности над «изолированным индивидом». «Цель уголовных законов должна, конечно, состоять в том, чтобы защищать общество от опасных преступников, а никак не в том, чтобы мстить им. Доказательством такой склонности наших судей служит отказ большинства применять превосходный закон Беранже, разрешающий осужденному отбывать свое наказание тогда только, когда он совершит рецидив. Между тем, каждый из судей прекрасно знает, так как это доказывается статистикой, что применение наказания в первый раз неминуемо влечет за собой рецидив преступления. Но судьям всегда кажется, что общество осталось не отомщенным, если они освобождают осужденного, и потому они предпочитают создавать опасных рецидивистов, нежели оставлять общество без надлежащего отмщения» [13].

Последователи идей Тарда М. Фуко, Н.С. Таганцев, А.Ф. Кистяковский и др. обратили внимание на существование ответной реакции при социальном контроле. А. Рейсе (1951), Ф. Най (1958), М. Гоулд (1963) считали, что законопослушному поведению следует обучать. При успешной семейной социализации человек не будет совершать противоправные деяния. Внутренний контроль (самоконтроль) хорошо социализированного индивида намного эффективнее внешнего, формального контроля.

Из огромного научного наследия Э. Дюркгейма непосредственное отношение к рассматриваемой теме имеет его представление о необходимости, «нормальности» преступности в обществе как наиндивидуального феномена, выполняющего функции восстановления порядка и прогресса. Преступление направлено на отрицание общественных норм, наносит ущерб социальной солидарности. «Принятие репрессивных мер — факт не менее универсальный, чем существование преступности, не менее необходимый для общественного благополучия. Для того чтобы не было преступлений, нужна была бы такая нивелировка индивидуальных сознаний, которая по причинам, изложенным ниже, невозможна и нежелательна. Но, для того чтобы не было репрессивных мер, необходимо было бы отсутствие нравственной однородности, несовместимое с существованием общества» [10].

Среди мер воздействия на преступность наиболее эффективным он считал организацию мягкого системного воздействия, достаточно продолжительного по времени. Функцию наказания ученый видит в сохранении целостности общественных связей.

Такой подход Дюркгейма мог бы указывать на простое следование идеям Монтескье о бесполезности жестких законов и гуманизации наказания. Однако Дюркгейм иногда отмечает необходимость принятия именно жестких мер в период аномии, когда социальные механизмы мягкого регулирования приходят в смятение. Но репрессии Дюркгейм все же относит к атрибутам общества, основанного на механической солидарности, полагая, что при достижении органической солидарности надобность в них отпадет и они будут заменены нерепрессивными реституциями.

Обобщая идеи французской школы можно привести высказывание А. Лакассань в 1885 г. на I Международном конгрессе антропологов в Риме, немного перефразировавшее высказывание Ж.Д. Местра: «Каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает» [5].

Традиции австро-германской школы обычно связывают с именами И. Канта, Ф. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса. Они заложили основы методологического подхода к анализу общества на основе эмпириокритицизма и представлений о конфликтной природе общественных отношений.

В работе «Общее учение о государстве» Л. Гумплович (1838–1909) с позиций натуралистического монизма обосновывал теорию насилия как сути государства и рассматривал тюрьмы и традиции государственного наказания как способ подавления меньшинства в интересах большинства. Суть идей Л. Гумпловича состояла в объяснении права и государства как средства и механизма проведения в жизнь интересов одних групп общества за счет интересов других групп на основании принципов социал-дарвинизма. «Сила идет впереди права», — писал Л. Гумплович [8]. Факт насилия и господства одной группы над другой порождает привычку, которая затем переходит в обычай и право. Выгодный для себя порядок властвующие провозглашают в виде права, закрепляют его с помощью общеобязательных норм, исходящих от имени государства.

Манн М. относит Гумпловича и Г. Ратценхофера (1842–1904) к главным идеологам милитаристской теории государства [16]. По его мнению, ставя конфликт в основании социальной жизни, они хотели, во-первых, утвердить автономность государства по отношению к экономике, политике, и, во-вторых, обосновать доминирующую роль государственных структур в управлении обществом. Тюрьмы играли в данной схеме одну из важных ролей. Так, Г. Ратценхофер признавал влияние интересов и меньшинства и большинства на общественное устройство и призывал использовать закон «приведения во взаимное соответствие индивидуальных и социальных интересов». Сотрудничество рассматривалось как главный инструмент преодоления противоречий. Позднее В. Бонгер, Г. фон Майер, Г. Беккер показали связь показателей преступности с экономической ситуацией в государстве [24].

Аналитический подход к изучению общества Ф. Тенниса (1855–1931) позволил ему выделить четыре переменные в связи преступности и места проживания: 1) благосостояние, измеренное по среднему душевому доходу, 2) жилищные условия, определяемые по числу жильцов на квадратный метр площади, 3) уровень образования (число лет обучения), 4) уровень нравственности, измеренное по числу внебрачных детей [12]. Им проверялась гипотеза о связи уровня преступности с социальным происхождением заключенных. Результаты исследований позволили Теннису анализировать преступления как предумышленное нарушение политических и социальных правил. Ответ общества должен быть симметричным — появлению специальных органов, социальных институтов (как совокупности формальных норм и правил), способных подавить индивидуальную волю.

Отталкиваясь от идеи идеального типа в изучении действительности, М. Вебер (1864–1920) пришел к выводу, что государство является единственным институтом в обществе, которое может на законных основаниях осуществлять насилие над членами общества. Это означает, что нарушение легитимности (М. Вебер), определенной меры (В. Зомбарт) как добровольной воли подчиняться общим правилам поведения необходимо подавлять властью насилия через негативные (кара) и позитивные (награда) санкции. Право наказывать, «монополия государства на насилие» основано, прежде всего, на вере людей в незыблемость законов и принципов государства. Наказание является формой воздействия с целью подчинения.

Л. фон Визе (1863–1941) и Г. Зиммель (1858–1918) используя понятия «социальная дистанция» и «социальные отношения» рассматривали применение наказания государством как средство защиты официальных прав и порядка в социальных структурах. А. Фиркандт

(1867–1953), помимо формальных санкций наказания, уделял внимание моральному наказанию со стороны религии [17].

Представления исследователей итальянской школы основаны на понимании системы исполнения наказаний Ч. Беккария. В своей работе «О преступлениях и наказаниях» (1764) Беккария предложил комплекс радикальных мер реформирования системы наказания со стороны государства на основе принципов гуманизма, которые позднее были развиты Э. Ферри, Ч. Ломброзо, Р. Гарофало и В. Парето. Беккария обосновал право государства назначать наказания за преступления, но отмечал, что «всякое проявление власти над человеком, не вызванное крайней необходимостью, — тирания» [2, с. 69]. Наказания должны быть неотвратимы и универсальны для всех категорий населения. Он отмечал, что целью применения мер наказания должно быть не столько устрашение, сколько просвещение и исправление преступника.

В целом концепции представителей итальянской школы можно считать интегративными австро-германских и французских. Исследователям удалось обосновать право государства наказывать не только для восстановления порядка, но и для исправления личности преступника. Так, в своих исследованиях Ч. Ломброзо (1835–1909) анализировал не преступление, а преступника. Он называл тюрьмы — «университетами преступности» [15]. В 1890 г. вместе с социологом Р. Ляски, Ломброзо опубликовал результаты исследования, в котором поставили психические особенности индивида или нации на первое место в политическом строении государства. Тем самым Ломброзо акцентировал внимание, прежде всего, на свойствах больших групп, наций, толпы в преступности, ее поддержке или противодействии. Ученики Ломброзо Р. Гарофало (1851–1934) и Э. Ферри (1856–1929) считали, что наказание должно выполнять чисто предупредительную, оборонительную функцию.

Ф. фон Лист (1851–1919) предложил разделять меры наказания и тюрьмы по типам преступников [23]. Всех преступников он делит на две группы: случайные (способные к исправлению, неисправимые и прирожденные) и постоянные. В связи с этим, меры, предлагаемые Листом, ориентированы, прежде всего, на тот или иной тип преступника. Естественно, что и цели наказания реализуются по-разному применительно к каждой из этих групп. Например, для случайных преступников основной целью наказания должно быть устрашение, а для постоянных — обезвреживание.

Российский психолог В. Леви, развивая эту мысль образно отметил, что «социум выбирает из психогенофонда» [14]. Иначе говоря, социальные факторы влияют на поведение опосредствованно — через генетические и психологические особенности свойств личности.

Обращение внимание на вопросы устройства государственной системы исполнения наказаний позднее можно найти в работах представителей англо-американской социологической школы У. Самнера, Л.Ф. Уорда, Ф.Г. Гидденса, У. Джеймса, Д. Мида, Дж. Дьюи, Ф. Эббота, Р. Парка и др.

Системный позитивизм Г. Спенсера (1820–1903) позволил ему отнести тюрьмы и суды к регулятивным институтам общества [21]. Спенсер вместе с А. Смоллом (1854–1926), У. Самнером (1840–1910) были непоколебимыми сторонниками идеи свободы индивида как ценности. С его точки зрения общество существует для блага своих членов, а не наоборот. Условием успешного социального развития он считал принципы «равной свободы» индивидов, ограниченной лишь свободой других индивидов и инструментом этого как раз являлось государство [9].

Один из реформаторских подходов предложил Л.Ф. Уорд (1841–1913). Он разделил процессы развития общества на «генезис» и «телезис». Первый отвечал за спонтанное развитие общества, второй — за сознательное участие людей в совершенствовании собственной жизни. Он также распространил термин «мелиорация» на общество, введя термин «социальный мелиоризм» как сознательное улучшение [22].

Идеи Уорда во многом заложили основу рассуждений Ф.Г. Гиддингса (1855–1931). Он считал, что социология истолковывает социальные явления посредством психической деятельности, органического приспособления, естественного отбора и сохранения энергии; иными словами, Гиддингс понимал социологию как науку о психических явлениях [4].

Необходимость решения практических проблем молодого американского общества породило необходимость внимания к анализу отдельных наиболее проблемных аспектов — преступности, семьи, влияния городского устройства на преступность. Исследования К. Шоу, Г. Маккей, Б. Ландера, Ф. Трешер по изучению городской экологии и ее влияния на преступность представили обширный эмпирический материал для развития теории аномии и девиантности. Так, в частности исследователи выявили, что противоречие официальной культуры и потребностей общества выражается в появлении субкультуры той или иной группы, в которой выражаются ее социальные нормы и правила. Этот же принцип применим и к тюрьмам.

Разработанная Г. Мидом (1863–1931) концепция символического интеракционизма была распространена Ф. Танненбаумом (1893–1969) на исследование процесса криминализации и получила позднее название теории стигматизации. На основании серии исследований, Танненбаум пришел к выводу, что преступник — это результат навешивания негативных ярлыков, то есть продукт социальный. Более того, позднее И. Пилиавин, Е. Лемерт и С. Брайар показали, что и вторичная (рецидивная) преступность также продукт нахождения человека в полиции. Э. Сатерленд также пришел к заключению, что 3/4 лиц, содержащихся в тюрьмах США, не являются преступниками в полном смысле этого слова, однако соответствующее криминальное клеймо, поставленное на них судебной системой, инициирует процесс их отчуждения от общества [11, С. 169–171].

Позитивизм оказал сильное влияние и на молодую российскую социологию. Одним из первых М.М. Ковалевский выступил против субъективизма в социологии, обращая внимание на необходимость открывать объективные законы и тенденции социального развития, исследовать причины совершенствования общества, его устойчивости в разные эпохи.

В.С. Соловьев (1853–1900), А.И. Стронин (1826–1889) старались выявить взаимосвязь системы исполнения наказаний с обществом в целом, обозначить его функциональное значение. Рассматривая общество как пирамиду из трех ярусов: нижний (большинство общества, земледельцы, ремесленники), средний (капиталисты), высший (меньшинство общества, аристократия, судьи, законодатели, власть), Стронин рассматривает причины болезней общества и видит их в нарушении социального равновесия, норм социальной иерархии. Чтобы этого не было, необходимо вырабатывать и соблюдать правила «социальной гигиены» [3].

По мнению Соловьева, «наказание...делает из человека страдательное орудие чужой безопасности». Наказание рассматривается как «правомерное средство деятельного человеколюбия, законно и принудительно ограничивающее внешние проявления злой воли не только ради безопасности общества и его мирных членов, но непременно также и в интересах самого преступника» [19]. Соловьев утверждает, что наилучшей целью существования системы исполнения наказаний является содействие в добровольном раскаянии преступника, исправлении его неправильного «внутреннего мира».

Идеи органицизма получили свое выражение в работах П.Ф. Лилиенфельд (1829–1903). Отдельным общественным структурам приписывались аналогии с биологическими органами: правительство — мозг, экономика — кровообращение, право — нервная система, болезни общества в праве — бредовое состояние. В этом контексте предотвращения болезней требовало терапевтических мероприятий — не доводить до разложения и распада частей [3].

Для натуралиста Л.И. Мечникова (1838–1888) солидарность в обществе вытесняла борьбу за существование, характерную для живой природы. Н.Я. Данилевский (1822–1885) считал, что обществознание может (и должно) быть исключительно национальным по

своему характеру. Данилевский полагал, что в обществе, как и в живой природе, не существует «общего знаменателя». Все виды живой природы и общественные формы являются, по его мнению, исключительно самобытными.

В представлениях П.А. Сорокина (1889–1968) о целях и задачах системы исполнения наказаний доминирует психологизм. Он считал, что наказание — это естественная реакция общества на возмущающее воздействие. Существование специальных институтов необходимо для предупреждения преступлений другими лицами [20].

Таким образом, вдохновленные достижениями и открытиями в естественных науках социологи предприняли попытки использовать точный научный подход к поиску наилучшего варианта организации системы исполнения наказаний. Доминировавшие долгое время традиции устрашения уступили место гуманному отношению к человеку, попыткам его сохранению и исправления при необходимости.

Позитивисты впервые обратили внимание не столько на преступника, его вреда для общества, взаимоотношений личность — государство, сколько на роль общества как при совершении преступления, так и в процессе исправления преступника. С изменением общественных отношений должна меняться и система исполнения наказаний. Право и суды также стали выполнять роль представителей общественных интересов. Заслугой позитивистов можно считать выделение постоянных и случайных параметров совершения преступлений, роли в этом учреждений исполнения наказаний и поиска вариантов их нивелирования.

Литература

1. Бачинин В. А., Сандулов Ю. А. История западной социологии: учебник / В. А. Бачинин, Ю. А. Сандулов. — СПб: Лань, 2002. — 384 с.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. — М.: Стелс БИМПЛ, 1995. — 304 с.
3. Воронцов А. В. Громов И. А. История социологии. XIX — начало XX в. Часть 2. Русская социология: учебное пособие для вузов / А. В. Воронцов, И. А. Громов. — М.: Владос, 2005. — 478 с.
4. Гиддингс Ф. Г. Основания социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации / Ф. Г. Гиддингс. — М.: Красанд, 2012. — 430 с.
5. Гишинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гишинский. — СПб.: Питер, 2002. — 384 с.
6. Гоулднер А. Г. Наступающий кризис западной социологии монография / А. Г. Гоулднер. — СПб.: Наука, 2003. — 575 с.
7. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная социология: уч. пособие / И.А. Громов и др. — СПб.: Ольга, 1997. — 372 с.
8. Гумплович Л. Основы социологии: монография / Л. Гумплович. — СПб.: Стереотип, 2015. — 368 с.
9. Демьяненко Н. Позитивизм Герберта Спенсера в современном социологическом знании / Н. Демьяненко. — Иваново: Филиал РГГУ, 2012. — 200 с.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение / URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lebon/11.php
11. Иншаков С. М. Зарубежная криминология / С. М. Иншаков. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. — 374 с.
12. История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред .И. Кона. — М.: Наука, 1979. — 344 с.
13. Лебон Г. Психология масс / URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lebon/11.php
14. Леви В. Искусство быть другим / В. Леви. — М.: Знание, 1980. — 208 с.

15. Ломброзо Ч., Ляск Р. Политическая преступность и революция / Ч. Ломброзо, Р. Ляск. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 474 с.
16. Манн М. Теория государства модерна / М. Манн. — URL: <https://www.ssc.wisc.edu/~wright/Soc924-2011/Mann%20-%20ssp-ch3.pdf>
17. Немецкая социология / Под ред. Р. Шпоковой. — СПб.: Наука, 2003. — 568 с.
18. Плахов В. Д. Западная социология XIX-XX вв. от классики до постнеклассической науки / В. Д. Плахов. — СПб: Алетейя, 2006. — 303 с.
19. Соловьев В. Оправдание добра / URL: <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/>
20. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorok2/06.php
21. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое / Г. Спенсер. — М.: Либроком, 2013. — 232 с.
22. Уорд Л.Ф. Очерки социологии / Л.Ф. Уорд. — СПб.: Лань, 2016. — 248 с.
23. фон Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. фон Лист. — М.: Инфра-М, 2004. — 103 с.
24. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности / Под ред. Л. М. Тимофеева, Ю. В. Латова. — М.: РГГУ, 1999. — 124 с.